

— Николай Николаевич! И в новом амплуа, возглавляя Международную ассоциацию содействия культуре, вы столь же труднодоступны для пишущей братии, как и в бытность министром. Чего здесь больше: сержанских перегрузок или же следования сентенции Бориса Годунова — «будь молчалив, не должен царский голос на воздухе теряться попустому»?..

— Мысль Александра Сергеевича Пушкина относится к политикам, тем, кого мы сегодня именуем главами государств. Я — художник, а голос художника у нас в стране отнюдь не царский. Хотя тот же Пушкин в обращении к Поэту говорил: «...Ты — царь: живи один. Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...»

Что касается невозможности повидаться, то времени действительно в обрез. Только за последние недели побывал в Минске, Петербурге (там отделение ассоциации возглавлял известный композитор Андрей Петров), в Сургуте, Алма-Ате, Караганде, Норильске, Азербайджане, Крыму... Ассоциация существует с февраля минувшего года. Должна обрести живыми связями на неправительственном уровне, чтобы «подпереть» государственные структуры в их усилиях на благо культуры.

Союза... Несложно понять, что такие заботы пронизывала глубокая боль за судьбы уникального духовного наследия, за судьбы народов нашей страны.

— Передко можно слышать: сфера политики, этажи власти — удел не писательский, не актерский. Потому как «никакой творческий человек другому творческому человеку не начальник, указывать не может и не должен»...

— Ну зачем «начальник»? Почему не доброжелательный, понимающий, профессиональный собеседник? Кто же лучше, скорее поймет художника? В подобных случаях доверие возникает иного качества. Вспомните Андрея Мальро, талантливого французского писателя и министра, так много сделавшего для отечественной культуры в послевоенное время. В частности, по защите ее силой закона от американизма, от пошлости, нравственного уродства.

Пример и для нас весьма заразителен. Потому что засилие варварской иностранщины по сути нивелирует культуру нации. Так почему нам не поступить подобным образом? Хотя бы во имя защиты национального достоинства. Ведь на все девяносто девять процентов киноэкран, видео кишат низко-

если все мы будем бороться за возвращение Любимова, за возвращение ему театра и за возвращение в театр всех актеров, которые его покинули. Это было моим единственным условием.

На достижение поставленной цели ушло немало времени и сил. Так много, что проблема рассматривалась на Политбюро.

До его приезда были восстановлены четыре спектакля, прежде снятые с репертуара: «Послушайте!», «А зори здесь тихие...», «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов». Я считал восстановление этих спектаклей долгом театра. И на это тоже ушло много времени.

Потом состоялся визит к А. Лукьянову. На государственном уровне было принято решение Любимову первому вернуть гражданство по его просьбе. Подчеркиваю: по его просьбе...

Любимов живет за границей. «Руководит» театром... по телефону.

Потом вдруг появился проект контракта Любимова с мэром Москвы Г. Поповым, где Любимову отдавались приоритеты в приватизации театра, единоличное право найма и увольнения артистов. В проекте основатель предал труппу. Мало того, что сбежал в Англию в 1983 году, бросив труппу, когда

матерей. Наши отцы и матери ушли из жизни со словами «за Родину». Но те, кто вернулся с фронтов Великой Отечественной, помогли нам выжить, найти себя в государстве под названием Советский Союз. А это десятки миллионов детей. Поэтому все мои роли... да что там роли! — я до конца дней своих благодарен буду нашему народу. Когда появлялась возможность, снимался в роли командарма Блюхера, того же лейтенанта Егорова или в картине «Они сражались за Родину». Для меня это больше, чем роли.

— Каков вы, Николай Губенко, в друзьях? Остались они рядом в трудный час (имею в виду ваш уход с поста министра) или же поступили в духе лермонтовской притчи: делить веселье все готовы, никто не хочет боль делить?..

— Когда прекрасный оператор Александр Княжинский, с которым я снял две своих лучших картины, тяжело заболел, он сказал мне: «Знаешь, Коля, я только теперь узнал, что мир действительно не без добрых людей». Сейчас, когда Ю. Любимов выгнал меня из театра (хотя он утверждает, что «за 30 лет никого не выгонял», напомним — выгонял и Высоцкого, и не только), когда на тех, кого он называет «выделенцами», практически отбрабатывается система запрета на профессию, когда люди порой чувствуют себя чужими в родном театре и даже у себя в стране, хотя они-то как раз хотят работать у себя на родине, а не «за бугром», я тоже убедился — добрых и порядочных людей еще достаточно. Где бы я ни был, люди простым пожатием руки, аплодисментами, письмами выражают мне свою поддержку и сочувствие. Не говоря уже о тех товарищах по «Таганке», которые в равной степени вправе разделить успех своего театра с другими артистами, художниками, рабочими, инженерами. Успех, равно как и поражение, — это совместный результат всех, а не только главного режиссера.

— Я позволю себе пространную цитату: он обладает от природы изумительной жизненной активностью... При каждой возможности совершает головокружительные экскурсии «на край бездны»... но это проходит в большинстве случаев безнаказанно... Так писали о вас, актере и режиссере Губенко, шесть лет назад. Стали ли сейчас капризнее ваша фортуна?

— Мне нравятся работы критика Льва Аннинского, но здесь «край бездны» — по-видимому, некий образ. Я человек, верующий в свою ВЕРУ. Никогда не стеснялся слов «братство», «товарищество», «дружба». Говорил их актерам «Таганки», то же самое повторял и в работе с министрами культуры бывших союзных республик. То же самое вы чувствуете, посмотрев мои фильмы. И если вести речь о спасении будущности нашей страны, то всем своим опытом она исторически тяготеет к этим великим понятиям...

— Известна крылатая фраза: через сердце художника должна пройти трещина мира. О чем пророчествует ваше сердце, Николай Николаевич, в тяжкий для России час социальной и нравственной распутицы?

— За 74 года Советской власти на нашей территории было только две войны — гражданская и Великая Отечественная. И в понятие Отечество входили русские, белорусы, казахи, украинцы, грузины, азербайджанцы, сотни национальностей.

Государственные деятели думают, как «обустроить Россию», как наладить взаимодействие на новейших основах. Но пока кровь уже просачивается сквозь границы России. И несчастье, постигшее нас с осетинами и ингушами, дай-то Бог, чтобы явилось последним. Нельзя допустить того, о чем писал великий Низами Гянджеви: «И людям не найти на всем земном покрове горсть глины без людской кровью пропитой крови». Лучше дружба народов пока еще на земле ничего не придумано.

Мои надежды на будущее нашей Родины связаны не с крепкими паренками, бойко торгующими на Арбате, в Лужниках и на Рижском рынке, а с теми, кто работает в наших библиотеках за нищенскую зарплату, кто самоотверженно охраняет наши музеи, кто учит наших будущих Рихтеров и Башметов в музыкальных школах. С теми русскими и нерусскими инженерами, работающими на 1-й ГРЭС в Сургуте, с металлургами Караганды и Тимирязе, с молодыми матросами с противолодочного корабля в Севастополе, с той любимой мной русской крестьянкой из деревни Перхушково, которая обеспечивала всех дачников овощами... Только их трудом и возрождается великая Россия.

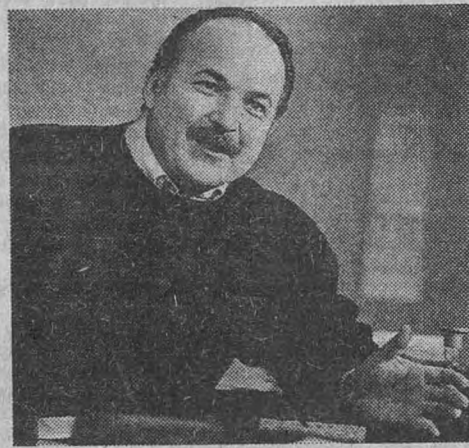
России спасет единение. Называйте это «империей», «тоталитарным государством», «содружеством», «рынком» — как угодно, но великий смысл единения всех народов, слоев и прослоек от этого не убавит. Никакие государственные преобразования не спасут без объединения духовных усилий.

Николай ГУБЕНКО *Красная звезда - 1993 - 5 июль* И кто-то должен боль делить...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ГОСТЯ:

Губенко Николай Николаевич, актер театра и кино, кинорежиссер, народный артист России. Родился в Одессе в 1941 году. Автор известных фильмов «Пришел солдат с фронта», «Из жизни отдающих», «Подранки», «И жизнь, и слезы, и любовь...» и др. В 1987—1989 гг. возглавлял Театр драмы и комедии на Таганке. С 1989 года — министр культуры СССР. В феврале минувшего года стал президентом Международной ассоциации содействия культуре.

Принимает гостя в салоне «Красной звезды» наш корреспондент Василий СЕМЕНОВ.

Нашими соучредителями являются Российский союз промышленников и предпринимателей, Международный фонд содействия приватизации и иностранным инвестициям, Ассоциация совместных предприятий и Лига кооператоров. С другой стороны — Большой театр, Пушкинский музей, Эрмитаж, Третьяковская, Симфонический оркестр Е. Светланова, киноконцерн «Мосфильм», Государственный ансамбль И. Моисеева и многие другие. Сознательно иду на такие подробности: при столь авторитетном дуэте должны увенчаться успехом попытки наделить финансовую мощь предпринимательских и промышленных кругов на сохранение культурного достояния нации.

— Так уж устроена наша жизнь, что приставка «экс» ни для кого не звучит романтично. Для истории вы, Николай Николаевич, — экс-министр распавшегося Союза. Вспоминаются символические слова, которые предпослали в книге своих мемуаров бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен: посвящая ее тем, кого я вовлек в авантюру власти. У вас никогда не было подобных ощущений? Или же, простите, наоборот, гложет ностальгия по командному мостику?

— Лично я никого не вовлекал, это меня вовлекли. Я ведь долго колебался: имеет ли смысл и до какой степени буду там полезен? Кроме того, я был «играющим министром» и продолжал работать в театре по просьбе Ю. Любимова. Давно сказано: судимы будете по делам своим. Обольщаться нет повода, но я, признаться, удовлетворен, что в мою бытность министром, когда цены еще были стабильны, дважды повышалась зарплата работникам культуры. Что освободило предприятия творческих союзов от налогов. Что мы стояли у истоков законотворчества в сфере культуры. Что впервые на парламентские заявления об альтернативных источниках финансирования и освобождения их от налогов... Что впервые посадили за «круглый стол» всех министров союзных республик и сделали их распорядителями Фонда развития культуры. Что с помощью республик и творческих союзов первыми провели конкурс на все должности в аппарате министерства.

Мы всегда исходили из того, что надежды, которые народы союзных республик связывают с углублением суверенитета, не должны вести к духовной изоляции. А вспомните наши приоритетные программы: культура Чернобыльской зоны, Семипалатинского региона, активного международного культурного обмена в период обвалного распада

пробными дентами. Фильмами насилия, ужасов, звериных инстинктов.

И самое тревожное: все говорят, все пишут, но ничего не делается, чтобы предотвратить духовное бедствие. Значит, в этом кто-то заинтересован. Не обольщаясь термином «деидеологизация». По сути — новейшая идеология, призванная свести на нет усилия многих поколений, тысячелетней традиции нравственности российской культуры. Повторяю, вопрос в том, кто в этом заинтересован.

— Говоря о Мальро, не опровергаем ли известную мудрость: власть заставляет художника терять свой голос?

— Вы правы, художник, находясь в министерском кресле, теряет как художник... Мне так кажется.

— Акт жертвоприношения?

— Бесспорно. Он самоубийца. Сознательно идет на это, но тем самым кому-то дает шанс не разминуться с призванием. В составе Совета министров культуры союзных республик было семь министров — деятелей культуры. Режиссеры, композиторы, актеры, исполнители, драматурги, писатели... Именно поэтому мы с легкостью убежденных в своей правоте людей до последнего сражались за единство культурного пространства. Именно поэтому, когда в августе 1991 года, после известных событий, все 12 министров за одну ночь слетелись в Москву, добились приема у Горбачева и Ельцина и убедили их в сохранении этого единства. Именно поэтому, уже после Беловежского соглашения, мы до конца вместе бились за идею единства в Минске, в Алма-Ате. Надеюсь, в ближайшем будущем мудростью политиков могут быть созданы межгосударственные структуры в области культуры. В противном случае — забвение и гибель целостного культурного слоя, нарабатанного лучшими умами многих наших соотечественников. А это уже из сферы исторической ответственности перед грядущими поколениями. Зачем же отбрасывать опыт Совета Европы, ЮНЕСКО и других международных организаций с их координирующими функциями в области образования, культуры и т. д.

— Театр на Таганке, по моим представлениям, явился для вас воистину театром «драмы и комедии»...

— Недавно газета «Московский комсомолец» в который уж раз, а она меня очень «любит» еще со времен моего прихода в театр в качестве главрежа, обвинила меня в немислимых грехах... Но вспомните коллизию. В 87-м году, после смерти Анатолия Васильевича Эфроса, труппа попросила меня возглавить «Таганку». Я сказал: придю,

ему, кроме успеха, равным счетом ничего не угрожало. После такого проекта часть актеров решила отделиться от Любимова.

Вмешалась высокая власть. Было решено все сделать на демократической основе. Итоги тайного голосования общего собрания: 146 за раздел, 27 против, 9 воздержались...

Думая о расколе театра, я вспоминаю слова Эрнста Хемингуэя: «Есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже».

Любимов предал саму идею театра. Это уже не театр улиц. Он уже не ищет «добраго человека из Сезуана». Он уже стыдится знаменитой сцены «Дубинушки» из спектакля «Мать», которой стоя аплодировал Мадрид, да и «Павшие и живые» ушли из его души навсегда. Жаль.

— Следующий вопрос опять «из жизни кино». Что ждет отечественный кинематограф в ближайшем будущем? И только ли, скажем, «вымирающий жанр — шедевр» тревожит вас?

— На ренессанс нашего кино пока трудно надеяться. Факт весьма прискорбный. Лишь благодаря подвижникам, к примеру, из «Кинотавра», можно увидеть приличные российские ленты. И это при том, что могучий интеллектуальный, творческий потенциал еще сохраняется. В простом находятся Элем Климов, Глеб Панфилов, Алексей Герман и десятки талантливых молодых кинорежиссеров. Им просто негде взять 60—70 миллионов рублей на одну среднестоймостную картину. А время не ждет: студии ветшают, оборудование стареет. Профессионалы разубеиваются, бегут. Зато люди, не имеющие отношения к искусству, снимают фильмы. У них есть спонсоры.

Включите телевизор, послушайте радио... Идет бесовская промывка мозгов, уродующая нормальное сознание, мироощущение человека. В любой уважающей себя стране имеют силу жесткие государственные акты, которые оберегают, точнее слова не подберу, людей от насилия, мерзости, тотального обольщивания. Это и квотирование иностранной продукции, и четкий регистр всего того, что завозится из-за рубежа или производится в родных стенах. Это и лицензирование, и налогообложение. Наконец, это и контроль.

— В творческой жизни вам не раз доводилось примерять военную форму. Да и режиссерский дебют — «Пришел солдат с фронта» — тому подтверждение. Это случайные импульсы судьбы или что-то большее?

— Мое поколение — поколение сорок первого года, подранки, люди без отцов и